

Дебольский Дмитрий Владимирович

*Заместитель командира отдельной армейской 257-й штрафной роты.
Под Комаричами и Севском в марте-августе 1943г-лейтенант.*

Штрафники

Конец марта 1943 года. Закончилось наступление Центрального фронта. Моя 354 стрелковая дивизия после боев у Лукинки встала в глухую оборону. Станцию Комаричи взять не удалось. Людей - третья часть, скудный солдатский паек. Выдохлись и немцы. Грязь, слякоть, траншеи полные воды. Держим оборону от Березовца до Марса. Ежедневно тиф косит десятки людей, а пополнение все не приходит.

Вызывает меня, молодого 18-ти летнего лейтенанта, начальник штаба дивизии, подполковник Френкин. Загадочно прищурясь предлагает должность, а какую— не говорит. «Оклад, как у командира батальона, выслуга 6 лет за один год. Получишь людей – узнаешь».

В составе полутора десятка грузовых автомобилей едем в Курск за пополнением. И приезжаем в местную тюрьму. Народу - человек 500 стоит в строю во внутреннем дворе. Начальник тюрьмы вышел на середину и говорит: «Приехал за пополнением лейтенант. Кто хочет воевать?». Шагнули все, без исключения.

Так я стал заместителем командира 257 отдельной штрафной роты 65 армии генерала Батова. Или попросту «Шура», как называли роту. Полтора месяца непрерывной тренировки, стрельбы. И первая разведка боем. Половина не вернулась, осталось на голом, выкошенном свинцом поле перед Малыми Прутками, севернее Березовца. Так набирались опыта. Неделю зализывали раны, пополнялись и жаждали реванша .А у немцев - веселье. Крутят наши советские пластинки, а пьяные полицаи или власовцы предлагают сдаваться. Звереют на глазах штрафники. « Когда?».

И 3 июня 1943 года, чуть-чуть забрезжил рассвет, в начале четвертого утра выползла штрафная рота из траншей напротив Тростенчика. Во главе со своим командиром капитаном Карипановым . Без артподготовки, без единого выстрела. Мимо мин и фугасов, обозначенных саперами на нейтральной полосе. Только шелест мокрой травы, тихий шум сотен ползущих тел и пронзительное пение местных соловьев. И навалились на спящих немцев, устроив резню и побоище. Страх и ужас творился в немецких траншеях. Уцелело всего несколько человек, взятых в начале боя в качестве «языков». Два дня отбивали атаки пехоты и самоходок. И только по приказу отошли обратно в свои окопы, оставив сотни немецких трупов в Тростеннике и вокруг него. Мы отомстили...

Много написано о штрафниках правды и небылиц, много выдуманно. Но под Комаричами и Севском летом 43, да и позже, не стояли сзади нас заградительные отряды с пулеметами. Нас вооружали как и обычные стрелковые подразделения: винтовками, пулеметами, автоматами. Но в «Шуре» воевали отчаянные солдаты-осужденные. Воевали лучше остальных. С первых боев мы всегда захватывали огромное количество оружия и продовольствия. Особенно много немецких прекрасных пулеметов. Каждый имел в запасе немецкий автомат. И все это оставалось у нас. Никто не отбирал и просто не смог бы этого сделать. В роте 15-20 человек постоянного состава, офицеры и сержанты. И 400-500 человек переменного состава осужденные за разные преступления солдаты, окруженцы, уголовники, бывшие полицаи. Офицеры наравне со всеми остальными ходили в атаки, поднимаясь в числе первых, питались с одной ротной кухни, не прятали и не ели втихоря

свои допайки. Все делилось на всех поровну. И радость и горе. Поэтому пользовались у штрафников непререкаемым авторитетом. Берегли они нас, как могли. В безисходные моменты боя, матерые эки – уголовники хватали, как котят за шиворот нас мальчишек-командиров и бросали в воронки, сверху закрывая собой. Спасали наши жизни, сами погибая. Большинство воевало до первого ранения или через два месяца со снятыми судимостями за проявленную храбрость уходили в другие части по предписанию командования роты. Многие получали ордена и медали, многие просили оставить воевать в «Шуре». Воевали в роте и несколько вольнонаемных. Одна из них, фельдшер Лена Поевская из Дмитриев - Льговского, спасла в боях сотни раненых...

После Тростенчика оцетинились немецкие траншеи новыми рядами колючки, дотами и дзотами. Узнав, кто перед ними, почуяв малейшую опасность, немцы боеприпасов не жалели. Своим огнем выкосили все кусты на нейтральной полосе. А штрафники рвались в бой: свою вину искупить, снять судимость, себя испытать. Да и командование требовало «языка».

Дивизионный инженер майор Евстратов предложил план, как миновать нейтралку.

Напротив Березовца проходит глухой овраг. Три недели по ночам с его склона метров 150 в сторону немецких окопов саперы рыли тоннель и в вещмешках за два километра выносили землю, чтобы не обнаружил и не сфотографировал немецкий самолет-разведчик «Рама». Командовал старшина Иван Еремин - бывший шахтер. Работа ювелирная, тонкая. Уже слышна немецкая речь, губная гармошка. Спустилась рота в тоннель вместе с дивизионными разведчиками. Старшина шахтер выбил в конце тоннеля бревно, подпирающее потолок. Образовался провал. И в эту дыру из подземелья хлынула штрафная рота. Я выскочил одним из первых. Перед глазами удирающий немецкий артиллерийский наблюдатель, бросивший рядом с провалом свою карту, бинокль и секундомер. Снова всё повторилось. Первые пленные и рукопашная на истребление. Через полтора часа всё закончилось. Стало тихо-тихо. Я ходил вдоль немецких траншей полного профиля и не мог в них спуститься. На две трети они были завалены погибшими немцами и моими солдатами-штрафниками. Жуткое, печальное зрелище. До сих пор ноет сердце. Не смогли похоронить своих ребят по-человечески, они остались в тех окопах. Мы отбили три немецких контратаки и, получив приказ, ушли из Березовца, взорвав тоннель, захватив с собой только раненых. За этот бой со всех штрафников роты была снята судимость, и большинство были награждены орденами и медалями. А я получил редкий орден Александра Невского. Лично по приказу генерала Батова.

После Березовца - бои за Шведчики и Галчинский. Бросок через Севск и Подлесные Новоселки в Хинельские леса на Хутор Михайловский. Моя рота, моя «Шура» первая врвалась в Шостку, первой вышла на реку Сож.

На высоком берегу этой реки меня ранило осколком танкового снаряда. И после госпиталя я попал в другую часть, закончив войну в Кенигсберге. Я много прошел, много видел. До 1981 года служил в Советской армии, защищая интересы своей страны во многих точках мира.

Но Березовец и Прудки, Тростенчик и Марс, Лукинка и Шведчики, Юпитер и Василек останутся в памяти, как время моей военной молодости, чистых искренних отношений. Названия этих деревень - это память о моей 257-й отдельной штрафной роте, моей «Шуре», о моих однополчанах-штрафниках, погибших на Вашей земле.